

Артур Аршакуни
Первичность ощущений

Песни, стихи и сказки

Артур Аршакуни

**Первичность ощущений.
Песни, стихи и сказки**

«Издательские решения»

Аршакуни А.

Первичность ощущений. Песни, стихи и сказки / А. Аршакуни —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749471-1

Жизнь человеческая всегда больше себя самой. Это жизнь плюс еще что-то. Слова — но не просто, а те самые, единственные. Ага, я тоже о стихах. Но не только. Это жизнь плюс еще что-то. Невозможно расчертить жизнь на клеточки. Потому что ты никогда не знаешь, в какой клеточке ты окажешься в следующий миг.

ISBN 978-5-44-749471-1

© Аршакуни А.
© Издательские решения

Содержание

Ось абсцисс	6
1. Из цикла «Глина»	6
«По переулкам бегала весна...»	6
Из Моцарта	6
Мокрый котенок	7
Ленинградский эскиз	8
«Всю ночь шел дождь...»	8
«Вперед, вперед по лезвию дороги...»	9
Минутное	9
Осень	10
Музыкальный этюд	10
Художник	11
«Дорога...»	12
Берег Оредежа	12
2. Из цикла «Первое приближение»	13
Моя ковка	13
Сказка	13
«Труби, трубач!»	15
Земля	17
Баллада о нераскрывшемся парашюте	17
Лорка	18
Первое приближение	19
3. Сказка первая, монохромная	22
Самая правдивая сказка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Первичность ощущений
Песни, стихи и сказки
Артур Аршакуни**

© Артур Аршакуни, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ось абсцисс

1. Из цикла «Глина»

«По переулкам бегала весна...»

По переулкам бегала весна,
Дыша грозой, в рассветной шали алой.
Стучала в окна весело она
И в каждом доме сверстников искала.

За ней, железом кровель грохоча,
В ботфортах из подбитой громом кожи
Шатался ливень, зверски хохоча,
И прыгал с крыш, пугая всех прохожих.

Но мне не весело.
Стою я у окна,
Смотрю, как воробьи насквозь промокли.
По переулкам бегала весна,
Забыв, куда мои выходят окна.

1970

Из Моцарта

Любовь!
Дай силы вынести тебя,
Жить по твоим законам неизменным,
В тебе
невыразимое любя,
Безумие
Считая наслаждением.

(Не спится.
На душе моей светло.)

Любовь!
Дай силы сохранить тебя
Без лести,
без игры,
без празднопенья,
В тебе
сиюминутное любя,

Доступное
считая наслаждением.

(Гоняет ветер выцветшие листья.)

Любовь!
Дай силы не забыть тебя
В последнее, предвечное мгновенье.
В тебе
непреходящее любя,
Прошедшее
считая наслаждением.

(А дождь стучит в оглохшее стекло
Безумными руками пианиста.)

1970

Мокрый котенок

Мне хочется быть маленьким ребенком.
Милым быть и нарядным.
Плакать, если мне
бо-о-льно,
Смеяться, когда мама рядом,

Считать мороженое квинтэссенцией счастья,
Визжать от восторга на взлетающих качелях
И засыпать вечерами,
часто
Довольным тем, что я —
чейный.

Но я улыбаюсь, если мне грустно,
Морщу лоб, когда все – просто,
Девушке колено глажу искусно,
Это называется
«быть взрослым».

А когда тихо, тонко настроится скрипка на песню,
Когда ты только собой недоволен, —
Когда всем неинтересным на свете тесно,
Тогда вдруг становится странно больно,

Но ты уходишь в мясорубку улиц,
Запахнув плащом души шквалы,
Кому-то посылаешь
улыбки-пули,

Кого-то извлекаешь из-под слов обвала,

Говоришь,
делаешь что-то красиво и умно,
В самого себя вглядываешься ошарашенным оком...
А вокруг —
блажь!
И только свет лунный
Выщербливает глазницы пустых окон.

1973

Ленинградский эскиз

Закат над крышами остыл,
И заструился сумрак синий.
И по-кошачьи гнут мосты
Свои натруженные спины.

Не слышно звуков.
Сон почти.
Часы в углу вздохнули,
стали.
А в небе тонко плачет «Ил»,
Отстав от самолетной стаи.

1977

«Всю ночь шел дождь...»

Всю ночь шел дождь.
Я ждал рассвета.
Лбом плавил тонкий лед стекла.
А за окном, раскинув ветви,
Сирень цвела.
Сирень цвела.

Дождь фонарей рисует тени
Штрихами.
Шапки набекрень.
А за окном, как в исступленьи,
Цвела сирень.
Цвела сирень.

Цвела, как будто тем цветеньем
Хотела выплеснуть в цветы
Свое весеннее смятенье,

Девичьи грезы и мечты:

До замиранья сердца тонко,
До непорочно волглых глаз,
Простоволосою девчонкой
Любить,
как любят в первый раз,

Бежать, заламывая руки,
К мальчишке-клену впереди
И, будто пробил час разлуки,
Проплакать на его груди,

Проплакать, ничему не внемля,
В плену октябрьской тоски...
Всю ночь шел дождь.
А утром землю
Покрыли слезы-лепестки.

1974

«Вперед, вперед по лезвию дороги...»

Вперед, вперед по лезвию дороги.
Луна над головой – оплывшей свечкой.
По улицам несет туманный вечер
Сырую прель неведомой тревоги.

Блеснет в глаза предчувствий паутина,
Тьма переломится в дверях осьмушкой хлеба.
Заплачет за углом пустой троллейбус
И в нос лизнет холодная дождина.

1976

Минутное

Уехать просто так.
Уехать на пари
Туда, где даль струится, холодея,
И лысая луна, забыв надеть парик,
Собьется с ног, разыскивая, где я.

И, вброд пройдя гнилой разлив болот,
Сушить на камне курево и спички,
Глядеть, как из реки сохатый воду пьет
И вздрагивает, слыша электрички.

Примерить ельника колючую шинель
И, дымный след в седой траве оставив,
Ждать в первозданной этой тишине
Минуты близости к корням, минуты таинств.

1976

Осень

В небе – молнии галстук,
Непогоды пальто.
Плакал дождь и сморкался
В тучи, будто в платок.

Не просил.
Все тащился
Он по лужам один.
Только...
был беззащитен,
Вот и не уходил.

Шлепал ветру навстречу.
Ты куда, холостежь?
Был он так человечен,
Неприкаянный дождь!

А в домах пахло лаком
Свежесбитых дверей.
И всю ночь он проплакал
В уютном дворе.

...Только выйдя с рассветом
На продрогший балкон,
Люди поняли:
лето
Им оплакивал он.

1977

Музыкальный этюд

Сестре Лане

Устав от города, гуляешь,
А не идешь, забыв о сути
Ходьбы.
И хризантемы клавиш

В руке —
как «до»
в цветочном тутти.

Вот площадь сдвоенным оркестром.
Такси – виолончели стоны.
Затакт – троллейбусное скерцо.
А в коде – грузовик валторной.

Кресчендо шин вступает гибко
За ливнем, органистом юным.
А сердце,
чуткое, как скрипка,
Удвоив ритм, смычком рвет струны.

1978

Художник

В квадратах сквера
дождем разболтан
уж слишком скверно
в оттенках
желтый.

Оград оправа —
в дождя простое.
Чуток бы вправо...
А может, стоит?

Пастель? Едва ли...
А что – сангина?
Контраст – в вуали,
пенэра гимне.

Собор напротив.
Колонны пляшут.
Ветвь на излете
березы ляжек...

Неверны тайны!
И лист,
натужно
окончив танец,
попьет
из лужи.

1979

«Дорога...»

Дорога.
Приладить ляжку рюкзака рукой к плечу
И бросить дальнему навстречу легкий чуб
С порога.

Не поезд
Со мною заключит движения союз, —
Дойду до тишины, войду в нее и ус-
покоюсь.

Дороже
Бивальди рыжего мне сосен голоса.
А то, что странно заблестели вдруг глаза, —
Так дождь же!

И долго
В себя таинственные импульсы вбирать,
Пока к жилью не выведет опять
Дорога.

1977

Берег Оредежа

Закат.
Лес выйдет в новом платье,
Зеленое сменив мышиним.
В последний раз, вздохнув, погладит
Река воротнички кувшинок.

Шагнет в траву забор раскосый.
Сорвется с ветки лист
игривый.
И солнце чиркнет спички-сосны
О смуглый коробок обрыва.

1982, п. Сиверский, Белогорка

2. Из цикла «Первое приближение»

Мояковка

Отпустите меня! Отпустите меня, эй, вы, слышите! Отпустите меня, – я гордый, мне надо слишком много, – весь мир, рукава которого канвою березовой вышиты, и в пупырышках звезд пупок которого почесывает луны лакированный ноготь. Отпустите меня! Отпустите меня, ведь вы – ха! – считаетесь добрыми? Отпустите меня, – мне тягостно видеть, как в каждой витрине мне кривляются рожи, строки всех нерожденных стихов дрессированными сплетаются кобрами... Отпустите меня, отпустите! Я еще не безнадежно хороший. Отпустите меня... Ведь вы должны отпустить меня, да – сбытасшедшего! Отпустите меня, мне и так сдавил горло форточки тугой ворот. Отпустите меня во имя времени «Ч» и за мгновение допрежь его я уйду, чтоб сжевал меня бульдожьими челюстями город. А если нет – спектрнув в руках ваших расквашенной призмую (чихать мне на ваши «вернись зпт хороший»), лапчатым сгустком сердца бетонные ладони вызмею и в тысячах глаз сказочно пушистой разватнюсь порошей, выкинусь детским снежком, как самоубийца, под колеса автобуса и буду смеяться хрустяще, как ветки зимою, от боли, и буду влюблен, как Ливингстон, в оранжевую Африку раздавленного апельсинного глобуса, и на хребте моем просыхать не будет пот каменистой дворничьей соли... Отпустите меня! Отпустите меня, эй, вы, слышите! Отпустите меня, – я гордый, мне надо слишком много, – весь мир, рукава которого канвою березовой вышиты, и в пупырышках звезд пупок которого почесывает луны лакированный ноготь. Отпустите меня, – мне невыносима многоманикюрных, многомакияжных, многопустословных особ кабаллистика! Отпустите меня, и везде: укрываясь полушубком ночи, целуя соски облаков, в трэфовой флешки осени на воде, просыпаясь яблоками пахнущим снегом, – я буду ощущать себя не исписанным под копирку листиком, а – человеком.

1974, Волгоград.

Сказка

Вечер.
Тихо.
В небе – звезды.
Дремлют тени на стене.
За окном – застывший воздух.
Под окном – застывший снег.

Тишину толкнет украдкой
Мерный маятника ход...
Внук
балуетя в кровати.
Рядом бабушка и кот.
Озорством сияют глазки —
Наказание, не внук.
– Баушка, придумай сказку,
Только чтобы про войну!

– Вот те раз...
Куда?
Ахти мне!
Час полночный на дворе.
Ну-ка, ну-ка спать активней!
Спать потребно детворе
Да и всем...

Опять с кровати:
– Расскажи мне про войну
Ска-азку...
Слышишь, баба Катя?
Не расскажешь – не засну!

– Ох, беда!
Ну, ладно.
Слушай
Сказку-счаску – вот искус!
Ножки спрячь да ляг получше,
Слушай да мотай на ус...

Завозился снова...
Нет уж!
Ляг тихохонько, какмышь.
Припозднились мы с тобою.
Как бы нам...
О чем мы, бишь?

...Над землею, над водою,
Во поле, в лесу густом
Два бойца – наш со звездой,
А который их – с крестом —
Воевали...
– Знаю!
Наши
Бились с немцами, ага?!
– Да, милоч, и вспомнить страшно —
Хуже не было врага.

Со звездой был храбрее.
Супостат с крестом – наглей.
Полетели пух и перья,
Стон пошел по всей земле.

Все смешалось – солнце с тенью,
С громом громким – тишина.
Не пожар,
не наводнение,

Не великий мор —
война!

Жили мы тогда в Калище,
Деревенька – двадцать хат.
До сих пор на пепелище
Труб печных персты торчат.

А в тот год, когда Пеструха
Наша двойню принесла,
Мой Иван...
Ужо старухе!
В сказке душу растрясла...

Ох, беда!
Вот дура-баба!
А, внучок? Никак ты спишь? —
И подвигав ручкой слабо,
Засопел в ответ малыш.

Отгоняет страхи липки
Высохшей ладони взмах,
И у внука вновь улыбка
Пузырится на губах.

Бьют часы.
Двенадцать.
Поздно.
Развалился кот во сне.
За окном – застывший воздух.
Под окном – застывший снег.

Две слезинки быстрых.
Это
Разве плач?
Вода водой...
А с комода,
а с портрета
Смотрит воин со звездой.

1978

«Труби, трубач!»

Труби, трубач!
Не время медлить!
Заря кровавая зажглась.
Пусть жаркий, гордый голос меди

Перепоет железа
лязг.

Труби, трубач!
Ведь не устала
Трубы блистающая медь.
Она так часто уверяла,
Что смерть в бою —
солдату честь.

Труби, трубач!
Ты – знак надежды,
Межа меж миром и войной.
Как Прометей, в руках ты держишь
Осколок солнца золотой,

И в золоте твои седины.
Ты – символ...
Символ?
Так постой!
Ты нотой чистой, голубиной
Останови вот это бой!

В языческом,
кровавом храме,
Сквозь жертвоприношений вой
Встань
в алом утреннем тумане
С серебряною головой,

Встань —
и запой спокойно, тонко
Про ту,
единственную боль,
Которая, дав жизнь ребенку,
Благословляема судьбой,

Про время, что в широком поле
С бубенчиками пронеслось...
Труби, трубач,
до кома в горле
До неумело скрытых слез,

Труби, трубач!
Своей трубою
Волнуй сердца ты вновь и вновь.
И в тишине
вслед за тобою
Заплачет скрипка про любовь.

1976

Земля

К чему бы ты ни был душою причастен
На многовидавшей и мудрой Руси, —
Земля – наша радость,
земля – наше счастье.
А мы – только капли вечерней росы.

В хмельном бесшабашье и стойкости слабой
Земной шар руками легко охвати, —
Земля – наша песня,
Земля – наша слава,
А мы – только тихий, неброский мотив.

В минуту раздумий, тревогам внимая,
Шагаешь по жухлым покосам полей, —
Земля – наша память,
земля – наша мама,
А мы – лишь надорванный плач журавлей.

В грядущем,
до боли знакомом и милом,
Из тысяч непрожитых завтрашних дней, —
Земля – наша воля,
земля – наша сила,
А мы – лишь цветы-однодневки на ней.

1976

Баллада о нераскрывшемся парашюте

Секунды решили,
что небо – не небо,
а пропасть.
Секунды решили:
полет – не полет,
а паденье.
А сердце-вещун продолжало работать.
Работать
И после того, как окончен был счет на мгновенья.

То был не рассчитанный мертвою формулой штопор.
Была
нисходящая с неба минорная гамма.

А ветер играл исступленно на клавишах ребер,
И тело
летело в потоках рыдания органа.

А солнце казалось застывшими складками грома
И пахло
прощаньем.
И женскою лаской.
И детством.
И мир надвигавшийся
был так красив, так огромен,
Что...
Поздно.
Сравнить уже некому.
Незачем.
Не с кем.

И лишь воробьям эта тайна известною стала.
И шумно они принялись меж собой удивляться
Той птице,
что в небе
так мало, так мало
летала,
А после
так долго, так долго
Не может подняться.

1977

Лорка

*Сердце дремало возле ручья.
Ф. Г. Л.*

Навек запомни эту темень,
Укрывшую снег на висках.
Такую маленькую
землю
Качает солнце на руках.

И каплями в тюрьмы оконце
Сочится струйка долгих дней.
Такое маленькое
солнце
В фамильном склепе Пиреней.

За каплей
капля.

В неизвестность.
Откуда нет назад пути.
Такая маленькая
песня —
По всей Испании мотив.

За шагом – шаг.
Туда,
в бессмертье.
Под перезвон гитар дождя.
Такое маленькое
сердце
Смеялось,
в вечность уходя,

Смеялось
под Фуэнте-Гранде,
Смеялось,
до конца стуча...
Такая маленькая
радость —
Прилечь у тихого ручья.

1976

Первое приближение

*Сон, который снился неоднократно,
пока не был записан.*

Где стоянка такси (от метро идя), —
Никого.
Лишь один – королем.
Глянул я на него да расстроился.
Это смерть за рулем, за рулем.

Парень парнем да с русской курносостью,
Да с латунным брелоком ключи.
Лихо так подкатил, мол, давно стою,
Дверцей хлопнул и счетчик включил,

Глянул остро с прищуром охотничьим
И в свежатинке знающим толк,
Мол, по чину зад, да по холке чин,
Карта – в масть, да не в козырь, браток.

Унижать, оскорблять, задевать его
Чем угодно, чтоб не со слезой.

Что за, мать, говорю, издевательство?
Где старуха?
Где саван с косой?

Он кассетник – щелк!
Перестройка, мол.
Что – старуха?
Аль плохо со мной?
Ручку громкости пальцами тонкими,
А они – со щетиной свиной!..

Помертвел я.
А запись хорошая.
Все про то, как четвертые сут...
Километры свистят в снежном крошewe.
Ну, куда меня черти несут?..

Я креплюсь.
Не унять ему смех никак.
Ох, хорош!
И попутчик неплох.
Все бы в лад,
да напутала техника:
Взвыл движок, застучал и заглох.

Эх, была не была!
Я разжал уста.
Отпусти, говорю, по нужде.
Вырубает кассетник – пожалуйста.
Пять минут.
Мы у цели уже.

Я на волю – искать да расстегивать,
А как глянул с пригорка сквозь лес —
В ряд – кресты!
Православные, строгие.
И меж ними – могильный разрез.

Что откуда взялось, вспыхнув хвостом!
Напролом, только жилы в струну!
Жеребцом-малолеткой норовистым,
Что ноздрями след волчий втянул.

Через лес, гатью, полем, оврагами
До забытого Богом шоссе...
Боже,
Как хохотал я от радости,
Тормознув грузовик и подсев!

Шеф решил, что я чудик, наверное,
Но сдержался.
Косился, но вез.
В развалюху-полуторку скверную
Я влюбился до лысых колес.

Он довез меня чуть не до лестницы,
Взял за локоть шоферской клешней:
– Ну, иди.
На тебе просто нет лица.
Выпей водки.
Оно как рукой. —

Я добрел до громадины каменной
И ощупал ладонями дом...
А потом злая мысль обожгла меня:
Сколько ж было на счетчике том?

1988

3. Сказка первая, монохромная

Самая правдивая сказка

Анне

1

В некотором царстве, в некотором государстве (честное слово, бывают и такие: с виду вроде государство, а приглядишься – чистое царство) правил король Апогей Первый. Индекс его, так сказать, да не введет читателя в заблуждение, – дескать, не царство, а горячий пирожок, – наоборот, оно, царство то есть, уходило историей в сказочную глубь веков, а в предках у Апогея Первого насчитывалось восемнадцать Перигеев, двадцать четыре Афелия и четыре Эпицикла. Так что слушайте дальше.

Царство это (или королю полагается королевство?) – итак, королевство это, под названием Тяпляпляндия, прямо скажем, было небольшое: на карте копеечкой накроешь, но Апогея Первого это не смущало – какое ни есть, а мое. Тем более, Апогей Первый хорошо разбирался в истории и знал, что королей всегда почему-то больше, чем королевств.

В том королевстве Тяпляпляндии, как во всяком другом приличном, была столица Дилидон с Королевским Замком на высоком берегу речки Бульки (в ней окрестные жители топили излишки котят, а на другое она была мало пригодна), с главной площадью имени Летнего Солнцестояния, над которой возвышалась башня с флюгером и Главными Королевскими Часами с Боем, и жителями, которые снимали шляпы и кланялись, когда по бульжной мостовой с грохотом прокатывалась королевская карета с четверкой цугом, ругались друг с другом на рынке и жителей окрестных деревень называли не иначе, как «жуликами» и «цыганским отродьем».

Правда, Апогей Первый редко бывал в Дилидоне, проводя время в основном в шумных королевских охотах, визитах к своим коронованным соседям и переговорах на высшем уровне, которые продолжались вот уже пятнадцать лет, по поводу изменения уровня воды в озере Коррито-Худо, омывающего пять королевств.

Ну, скажите на милость, как при таком положении дел может процветать королевство, хотя бы и сказочное? Естественно, не может. Более того (будем откровенны), оно разорялось, но король Апогей Первый, помимо истории, знал также другие науки и вовремя понял, что самое захудалое королевство не может существовать без Государственного Аппарата.

И он его создал. И все стало на свои места. Министры стали требовать со своих заместителей, заместители – с бургомистров, бургомистры – с управляющих, а управляющие – с горожан и селян. Горожане платили налоги и ругались с селянами, а селяне ругались с горожанами и сеяли пшеницу. Недовольных сажали в тюрьму и потому все было прекрасно.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Самое время настало сказать несколько слов о вопиющей несправедливости в современных сказках. Так вот, в современных сказках (романы там, повести и другие) персонажи появляются перед читателем ну совершенно по произволу писателя. Вот, скажем, в какой-нибудь толстой пятитомной сказке о Пупее рассказывается о том, какие подвиги совершил некий... м-м... король там, или рыцарь, сколько он драконов победил, сколько королей, королев и королевств покорил, какие у него были штаны, прыщик на носу и выражение лица, когда он садился на коня, и только в конце самого последнего тома мы узнаём о том, что у этого короля был дядя, страдающий эпилепсией, или дочь, которая любит песенку «Вот стою, держу весло» и не любит манную кашу. Как будто эпилептический дядя или слишком нормальная девочка чем-то провинились перед писателем, и он о них забыл.

Так вот, чтобы этого не было, я сразу скажу, что король Апогей Первый имел жену, королеву Амальгаму, а детей и душевнобольных родственников у него не было. Что касается детей, ну какие тут могут быть дети, если король месяцами в командировках, а если и нет, то сутками разъезжает по всяким своим знакомым баронам, возвращается за полночь и во сне бормочет про каких-то фей в лесу! Нет-нет, вы вдумайтесь. Все обыкновенные мужья обращаются к своим обыкновенным женам со словами «моя королева», но, когда король Апогей Первый обращался к жене своей, королеве Амальгаме, именно так, ее это вовсе не утешало. Ибо она была женщиной. А женщина готова простить мужчине и даже королю любые банальности при условии, что ее любят. Когда же женщину, даже королеву, не любит никто (или любят все, что, впрочем, одно и то же), она... Совершенно верно. Она занимается государственными делами.

И вполне естественно, что королева Амальгама от нечего делать занялась государственными делами, ибо, повторяю, она была женщиной.

К тому же донельзя (то есть, по-женски) дотошной и любопытной. И потому долго ли, коротко ли, но она постепенно прибрала к рукам в отсутствие мужа все хозяйство, именуемое Государственным Аппаратом. Дел у нее, естественно, появилось великое множество. В частности, ей нравилось время от времени наводить страх на кабинет министров неожиданными инспекциями, проверками документации и резкими изменениями внутренней политики. А население Тяпляпландии было терпеливое, было смирное и исправно подчинялось Высочайшим Повелениям: сегодня сеяло пшеницу, а завтра – анютины глазки, в дождь раскрывало зонты, в ведро – рты, обменивало вторсырье на утиль, а утиль – на уцененные товары, по субботам веселилось, а в воскресенье ходило в церковь.

И так бы шло до скончания века, но, еще раз повторю, – королева Амальгама была женщиной, а это значит, – что-то должно было случиться. Вот оно и случилось: королева Амальгама заскучала. Ну, посудите сами, что за жизнь она вела! Все ей, понимаете ли, дозволено: не явиться на утверждение Закона о смене времен года; обозвать дармоедом Главного Ученого, почтенного магистра Спектрографа, когда тот, бедный, вторую неделю кряду терпеливо сидел под яблоней, пытаясь максимально точно воспроизвести эксперимент по открытию закона всемирного тяготения; по причине плохого настроения отменить фестиваль «Мисс Безыспод... пардон, Преисподняя» на лучшую ведьму королевства... Каково? А моды? Не успеют модельеры что-нибудь эдакое придумать, как уже готово – несут вам. Главное, никто не носит, потому как мода другая, – а вы носите. А новости, сплетни там всякие? Чихнет на задворках Королевского Замка Главный Распорядитель Террариум, забодает коза идущего из Замка через дорогу за канифолью Главного Музыканта иностранца де Триоля, – уже бегут, уже доносят... Не созрела еще новость, не испеклась, – что с ней делать, сырой и несъедобной? Что за жизнь! Поневоле захандришь, закапризничаешь, а при продолжительных нагрузках на нервную систему и в стресс впадешь.

И вот заскучала наша королева Амальгама, заскучала, подумала:

– Чего бы Нам такого придумать?

И придумала. Хлопнула она в ладоши, позвонила в серебряный колокольчик и объявила сбежавшимся придворным:

– Мы высочайше постановили быть Покровительницей Искусств!

Вот так. Постановили. Это не трудно. Но ведь за постановления в веках не прославляют. Надо что-то и дальше постановлений делать. Например, их исполнять.

Вызвали тут в Королевский Замок всяких стенографисток, представителей дворянства и общественности, специалистов по чистым и особенно грязным политтехнологиям, а наутро, после экстренного ночного заседания кабинета министров, трубадуры, глашатаи, скороходы и прочие средства массовой информации разнесли по всему королевству такой вот Указ:

Объявляется

*Е. К. В.
королевой Амальгамой
конкурс
на лучшее стихотворение
в честь
Е. К. В.
королевы Амальгамы!
Допускаются
к конкурсу все желающие,
а также
иностранные гости.
Победителя ждет все, что он ни пожелает,
и еще половина того же впридачу,
а также
Именной Королевский Унитаз
(действующая модель, масштаб 1:10)
из чистого золота!!!*

Короче говоря, пошла соответствующая идеологическая обработка населения. Желающих, действительно, оказалось очень много; пришлось даже создать Авторитетную Комиссию под председательством Главного Критика Клязуиса, которая отбирала финальную группу претендентов. Многих, конечно, пришлось отсеять сразу: представители низкого, так сказать, народа по своей природе не смогли, тасзать, возвыситься до королевского величия. Бытие, тассть, определяет сознание, но, гм-гм, сравнивать королеву, пардон, с «Курицей, Которая Нас Всех Сбирает Под Свое Крыло» или «Скалой, Которая Подпирает Мир», согласитесь, не совсем, тзть, изящно.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. За каждым финалистом посылалась стража во главе с начальником стражи Принципоном, так что все было строго и по закону. Так вот, пока стража колонной по три марширует по улицам Дилидона, я, памятуя о вопиющей несправедливости в современных сказках, поспешу рассказать об одном поэте, Антуане Нонсенсе, ибо его обязательно вызовут на высочайший конкурс – уж поверьте мне на слово.

Правда, поэта беднее его не найти во всей Тяпляпляндии, потому что он был Настоящим Поэтом. А так как он был Настоящим Поэтом, он никогда не унывал.

Был он женат, скажу прямо, и жил с женой своей, любимой Бегонией, на чердаке небольшого дома, недалеко от площади имени Летнего Солнцестояния, на улице Веселых Башмачников. Кстати, почему Веселых Башмачников, я объяснить не смогу. Ну, Башмачников – это ясно, но почему Веселых? Ну, Неунывающих Башмачников – более или менее, Башмачников Навеселе – куда ни шло, но Веселых – этого, простите, и я не знаю. Но это же сказка, а в сказке даже Сказочник ничего не знает, так что слушайте дальше.

Чердак выгодно отличается от других мест жилья тем, что в слуховое окно его днем просятся ветви деревьев, ночью заглядывают звезды, с него далеко видно, а главное – света вдоволь. Однако Бегония все время уверяла соседок, что она «с такой жизни света белого не видит», а Антуана Нонсенса попрекала тем, что он «не видит дальше собственного носа».

– Не муж, а одно наказание! – говорила она крещендо в этот день. – У других мужья поэты как поэты, а этот!.. Другие в хоромах живут, гонорары женам на барельефы расходуют, а этот!.. Ну, куда ты дел последний аванс в гильдии писателей-менестрелей? Молчи, и так по глазам вижу – опять беднякам-пропойцам на площади раздарил... Ну, чего молчишь?

Антуан Нонсенс в это время кормил крошками хлеба воробья с перебитым крылом, которого отнял у мальчишек вчера перед домом. Потом он пододвинул поближе блюдечко с водой, посмотрел, как воробьишка пьет, и улыбнулся, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Брось птицу, когда я с тобой разговариваю! Чего молчишь? – продолжала неумолимая Бегония.

– Ну, посуди сама, дорогая, – сказал ей Антуан Нонсенс, – живем мы с тобой неплохо, с голоду не умираем, вон даже крыша над головой есть, а ведь у этих бедняг – ничего!

– Скажешь тоже! – возмутилась Бегония. – Да мы с тобой скоро по миру пойдем из-за твоей щедрости. Вон, гляди-гляди: полхлеба птице скормил, есть нечего, и ведро последнее прохудилось!

– Но у меня есть ты, и я тебя люблю, – ответил ей Антуан Нонсенс.

Бегония уперла было руки в бока и открыла рот, но тут в дверь застучали стражники и громким голосом объявили, что поэт Антуан Нонсенс по высочайшему повелению немедленно вызывается в Королевский Замок для участия в конкурсе на лучшее стихотворение в честь Ее величества королевы Амальгамы.

– Благодарю вас, но в данную минуту я занят, – ответил, поклонившись, Антуан Нонсенс и показал на воробья: – Видите, бедняга нуждается в помощи.

– Ха! – сказал начальник стражи Принципон и почесал свой розовый нос. – Ты отказываешься подчиниться повелению Ее величества из-за этой глупой птицы?

Принципон ударил саблей по блюдечку и разбил его.

– Поэтом можешь ты не быть, – сказал он, – но в Замок я тебя доставлю, – и скомандовал: – Стража, взять его!

– Подождите, подождите! – крикнула Бегония. – Он пойдет, не слушайте его, дурака! Вот только наденет чистую рубашку... Антуан, ты слышишь!

Принципон с лягзом вернул саблю в ножны.

Антуан Нонсенс молчал, глядя на прыгавшего у разбитого блюдечка воробья.

– Идь-ди! Идь-ди! – чирикнул вдруг воробей.

Что он сказал? Неужели ему послышалось?

– Идь-ди! – еще раз крикнул воробей и шевельнул перебитым крылом.

– Ах ты, птица, птица, – пробормотал Антуан Нонсенс, надел новую рубашку, поцеловал жену, шагнул к выходу.

– Куда ж ты? – спросил он у Бегонии, которая, пропустив стражников, вышла следом.

Бегония вздохнула.

– К соседке, за блюдечком... Птице-то пить захочется... Ладно, ладно, – заворчала она, утирая слезы краем передника, – иди, чего уж там...

2

Стража привела Антуана Нонсенса в Королевский Замок, где в большом зале с колоннами и хрустальными люстрами был собран весь поэтический цвет Тяпляпляндии. Присутствовали здесь все министры кабинета, Государственный Аппарат, королевская свита... Вообще, болельщиков было много. Одним словом, полный аншлаг.

Поэты были все как на подбор: бледные, с горящими глазами, взъерошенными волосами, с исписанными листками в руках... Страсти накалялись; болельщики заключали пари, а дамы улыбались своим любимцам, бросали им оципаные от хризантем лепестки и часто обмахивались веерами. Жюри во главе с Главным Критиком Кляузиусом с трудом удалось успокоить присутствующих.

И вот Главный распорядитель Королевского Замка Террариум стукнул в пол палкой с набалдашником, выкрашенной под бронзу, запели фанфары, за окном грянула мортира, де Триоль взмахнул музыкантам палочкой – и под звуки своего любимого произведения – народ-

ных частушек в темпе менуэта – в зал вошла королева Амальгама. Она была просто очаровательна в эту минуту: прямые золотистые волосики спадали на лобик, увенчанный короной; носик торжественно тянул за собой остальные части личика, а пухлая ручка нежно держала тридцатидвухкилограммовый шар из чистого золота – символ королевской власти в Тяпяп-ляндии.

Она села на трон и милостиво улыбнулась присутствующим, открывая праздник. Пары закружились в танце, стараясь на счет «раз» не наступить партнеру на ногу, на счет «два» – удержать равновесие, а на счет «три» – не дать наступить на ногу себе. Королева Амальгама повернула голову влево и закрыла глаза. Этим тотчас воспользовался Главный Художник Размазини и стал создавать триптих «Королева Амальгама слушает заключительные строки произведения, занявшего первое место на поэтическом конкурсе имени королевы Амальгамы».

Наконец, королева Амальгама открыла глаза и еще раз улыбнулась. Музыка стихла; конкурс начался.

Первым выступил поэт Дрозофилл. Он упал перед королевой Амальгамой на одно колено, откинул назад прядь волос со лба и пропел:

*Посмотришь вправо,
Найдешь оконце,
Посмотришь влево —
Ах, я неправый,
О, королева, —
Вы вместо солнца!*

Раздался шквал аплодисментов. Пока жюри совещалось, Главный Распорядитель Террариум показал зрителям наиболее эффектные места выступления Дрозофилла в замедленном повторе с разных точек зрения.

– 5,6! – объявил затем Клязуиус. – 5,8 за артистичность!

Следующим выступал поэт Монпегас. Он закружился в воображаемом вальсе по залу и, притопывая в такт ногой по паркету, продекламировал:

*О, как воздушна, как легка!
О, как пушинка выступает!...
Так бабочка порой порхает
Под этим сводом потолка!*

Окончил он эффектным прыжком в три с половиной оборота, приземлился на колени, проскользил по паркету до трона и замер.

– Bravo! – засвистели дамы.

– 5,7! – объявил Клязуиус. – 5,9 за артистичность!

Следующим выступил иностранный поэт-модернист Декольтини. Он дождался абсолютной тишины, затрепетал, стал белее хризантемы в петлице и, вращая глазами, страстно произнес:

*Ах, умираю я есть немножко...
Ах, страх есть чувств мне гранд знакомый...
Я белла клопик-насекомый
Под этот королевский ножка!*

Тут Декольтини встал на четвереньки и быстро-быстро полез под кружевные юбки королевы Амальгамы. Что началось в зале! Дамы от счастья падали в обморок, министры пихали друг друга в бок кулаками, а Главный Художник Размазани даже сломал свои кисти при виде такой потрясающей композиции.

Декольтини с трудом оттащили от королевы Амальгамы. Она ободряюще улыбнулась ему.
– 6,0! – объявил Кляузиус. – 5,8 за артистичность

Овация продолжалась до тех пор, пока не выступили вперед Жеглине и Неглиже – два поэта, которые писали по очереди, а платили им за двоих. Жеглине встал в одном конце зала, а Неглиже – в другом.

- *Что вечно молодо?* – крикнул Жеглине.
- *Шевелите мозгами!* – ответил Неглиже.
- *Что не состарится?* – крикнул Жеглине.
- *Думайте сами!* – ответил Неглиже.
- *Сердце красавицы!* – крикнул Жеглине.
- *Свет-Амальгамы!* – крикнул Неглиже.
- *Чистое золото!* – хором крикнули они и раскланялись.

– 5,8! – объявил Кляузиус. – 5,7 за артистичность!

Пока Жеглине и Неглиже искали друг друга в задних рядах, паркет быстренько был приведен в порядок после прыжков и падений предыдущих участников конкурса.

И вот выступил вперед поэт Антуан Нонсенс. Даже в отражении паркета было видно, какие у него печальные и серьезные глаза, хотя никто этого не заметил.

– Ваше величество, – сказал он и улыбнулся, – Ваше величество, вы прекрасны, как королева!

И наступила тишина.

Дамы, закрывшие было глаза в ожидании стихов, открыли их. Главный Распорядитель Террариум, отставивший под шумок свою палку с набалдашником, выкрашенную под бронзу, схватил ее снова. Начальник стражи Принципон, чесавший свой красный нос, дочесал его и встал по стойке смирно.

Под потолком зажужжала муха.

– И это все? – удивилась королева Амальгама.

– И это все? – удивились хором все вокруг.

– Да, это все, – сказал Антуан Нонсенс и слегка поклонился.

Поднялся невообразимый шум.

– Моменто финале? – закричал иностранный поэт-модернист Декольтини, вращая глазами. – О, спагетти катеначчио!

– Это черт знает что такое! – кричал Главный Критик Кляузиус. – Каждый дурак знает, что Наше величество – королева, и что она прекрасна!

– Правда глаза колет! – издевался поэт Монпегас.

– Позвольте, позвольте... – бормотал почтенный магистр Спектрограф. – Тут что-то есть... Белый стих или гекзаметр?

– ?Каков-вокаК! – кричали по очереди Жеглине и Неглиже.

– Гольй натурализм! – кричал поэт Дрозифилл. – Где правда?

И даже де Триоль от огорчения посадил музыкантов.

И все кричали одновременно, и было совершенно ничего не разобрать, а флейта-пикколо под общий шум и гам стала вытряхивать из инструмента застрявшие там звуки демократического менюэта.

Антуан Нонсенс слушал всех и улыбался, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Что может быть красивее правды на свете, чем сама правда! – воскликнул он.
И королева Амальгама возмутилась.

– Хоть бы комплимент какой! – сказала она. – Какая это правда? это наглая ложь! Мы возмущены!

– Мы возмущены! – возмутились все.

– Стража! – крикнула королева Амальгама, и хрустальные подвески на люстрах разнесли эхо во все концы Королевского Замка.

Начальник стражи Принципон выступил вперед, отдал честь и почесал свой рубиновый нос.

– Взять его! – сказала королева Амальгама. – Бросить его в самую темную темницу королевства!

Стража окружила Антуана Нонсенса и профессионально ловко заковала в цепи.

– На какой срок, Ваше величество? – спросил начальник стражи Принципон и стукнул саблей по паркету.

– На неделю! – ответила королева Амальгама. – Пусть подумает, что может написать поэт в честь королевы, кроме жалкой и несчастной правды. А не придумает – отрубить ему голову!

– Bravo, Ваше величество! – заплодировали гости. – Как остроумно! Пусть подумает, голубчик!

И Антуана Нонсенса бросили в самую темную темницу королевства и закрыли за ним тяжелую дверь.

3

Когда глаза Антуана Нонсенса привыкли к темноте, он увидел – да-да, это надо признать со всей определенностью – груды костей в мрачных, затянутых паутиной углах.

– Да, невеселое место, – усмехнулся он, оглядывая черные сырые стены, сложенные из огромных камней.

Рядом с ним лежала корка черствого хлеба и глиняная плошка с водой – его пропитание на целую неделю. Свет проникал в темницу сквозь крохотное оконце, забранное решеткой, высоко под самым сводом, и его хватало только для того, чтобы не наткнуться на стены.

Но ведь вы не забыли, что Антуан Нонсенс был Настоящим Поэтом? А так как он был Настоящим Поэтом, он никогда не унывал.

Раз в день открывалось окошечко на тяжелой тюремной двери, и начальник стражи Принципон спрашивал его:

– Ну что, придумал что-нибудь, кроме правды?

– Нет, – отвечал Антуан Нонсенс и улыбался, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Ну смотри, тогда тебе отрубят голову, – говорил обыкновенно Принципон, и на этом окошечко захлопывалось.

И так – в основном – текло время, и осталось шесть дней, потом пять, потом четыре, потом три... Корка хлеба превратилась в корочку, а воды хватало на один глоток, когда пришел последний день.

– Ну что, придумал что-нибудь, кроме правды? – как всегда, спросил его начальник стражи Принципон.

– Нет, – как всегда, ответил Антуан Нонсенс и улыбнулся, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Ну, смотри, – завтра на рассвете тебе отрубят голову, – сказал Принципон, и окошечко захлопнулось.

Антуан Нонсенс вернулся на свою охапку сена в углу, сел, подпер голову рукой. В окне под сводом темницы показалась звезда, а это означало, что наступила ночь – последняя ночь!

Откуда-то издали послышался стук копыт. Антуан Нонсенс и не подумал о том, что это вернулся в Дилидон из длительной командировки король Тяпляпландии Апогей Первый. Думал же Антуан Нонсенс о жене своей, любимой Бегонии. Но где ж ему было, думая, знать, что жена его, любимая Бегония, в это самое время бегала по городу и, ломая руки, просила помощи у всех встречных. Как она прожила эту неделю – ни в сказке сказать, ни пером описать. Злые (или добрые – кто знает?) языки быстро донесли до ее ушей, что муж ее брошен в темницу и ему грозит смертная казнь. Всю неделю она металась по дому, не находя себе места, а поправившийся воробышка прыгал по комнате следом и махал еще неокрепшим крылом.

– Выдь! Выдь! – чирикал он, но бедная Бегония ничего не слышала и не понимала. Что делать? Кто поможет несчастной одинокой женщине, даже если все это происходит в сказке? Кто поможет бедному поэту, даже если он Настоящий Поэт?

Настала последняя ночь, и Бегония кинулась на улицу, оставив в спешке дверь открытой, и не заметила, как воробышка выскочил следом за ней и, отчаянно махая крыльями, с трудом полетел прочь.

Бегония побежала по улице Веселых Башмачников и почти добежала до площади Летнего Солнцестояния, как вдруг загрохотали копыта по булыжной мостовой, и перед ней остановилась карета, запряженная четверкой белых, как душа ребенка, лошадей в пурпурных сбруях. Бегония, побледнев, в ужасе заметила королевский герб на дверце кареты. К ней подъехали всадники из свиты и хотели уже отогнать ее прочь с дороги, но в это время сам король Апогей Первый выглянул в окно.

– Почему Мы не едем? – капризно спросил он и с любопытством оглядел Бегонию. – Утютюшеньки, фея востроглазая!

– Ваше величество! – крикнула Бегония и бросилась на колени перед каретой. – Ваше величество, никакая я не фея, а вовсе простая женщина и умоляю вас, спасите моего мужа, он, глупый, ни в чем не виноват, я точно знаю!

– Постой, постой, женщина, не торопись! – сказал ей строго король Апогей Первый и, покосившись на баронов, подумал: «Наверное, моя благоверная что-то с правосудием намудрила. Ох уж эти...» – и он обратился к Бегонии: – отвечай толком, как зовут твоего мужа?

– Антуан Нонсенс, ваше величество! – сказала Бегония. – Он мухи не обидит, право слово, а уж такой честный и добрый – вам любая цветочница подтвердит, даром что поэт!

– Хм! – задумался король Апогей Первый и вспомнил: – Антуан Нонсенс! Как же, как же. Слышал я о нем. Бард простолюдинов, так, кажется? – он повернулся к баронам в карете. – Мне о нем говорили там, на переговорах. Ваше королевство, мол, может гордиться и все такое... М-да... Горжусь, – он снова обратился к Бегонии: – Ступай домой, милочка, ступай.

И, сделав свирепое лицо, добавил громовым голосом, так, что лошади рванули с места:

– Мы изволим р-р-разобраться!

Миг – и вихрем умчалась карета с его величеством и свитой, а Бегония, утирая слезы, поднялась с колен, постояла и побрела домой.

Ну. Пока она идет домой, мы с вами полюбопытствуем, как прошло воссоединение наипервейшей ячейки общества Тяпляпландии.

– Здравствуй, здравствуй, свет очей моих! – говорил король Апогей Первый, стремительно входя в покои королевы Амальгамы и пинками отшвыривая придворных. – Здравствуй, Гамочка! И чего это ты, радость моя, самосуды устраиваешь? И чего это ты, понимаешь ли, у музы нашей крылья подрезать вздумала?

Королева Амальгама откинулась, откинулась на красные бархатные подушки в виде карточных сердец, и тяжело задышала, усиленно махая веером.

– Этот беготай... э-э-э... оскорбил бедя, – сказала она с прононсом.

– Как? – опешил король Апогей Первый. – Гордость королевства?! Непонятно и, более того, уму непостижимо!

– А вы спросите у кого хотите! – обиделась королева Амальгама и помахала веером в сторону придворных.

Оттуда раздался глухой стук в пол, и все придворные бухнулись на колени.

– Оскорбил-бил-бил, ваше-ство-во-во! – загудело из всех углов услужливое эхо.

– Прочь! – затопал ногами король Апогей Первый. – Вас только слушать, моллюски реликтовые! Серпентарий! Террариум!

Главный Распорядитель Террариум застыл у алькова и огладил величественную бороду.

– Ну послушай, радость несусветная! – продолжал король Апогей Первый. – Запала тебе блажь, не казни ты его без суда и следствия! Потом не отмоешься... Волнения там всякие, возмущение мировой общественности... Гордость наша, как-никак! Хочешь, я сам с ним завтра переговорю? Правовое государство у нас или нет в глазах соседей?! Короче, я решил – завтра.

– Ах, я не знаю! – расплакалась королева Амальгама.

– Вот и прекрасно! – обрадовался король Апогей Первый. – Зато знаю я!

Он чмокнул супругу в лобик и направился к себе, насвистывая свадебный марш монастырских послушниц.

А королева Амальгама в гневе стала бить хрустальные салатницы и приговаривать:

– Все равно казню! (Блямц!) Все равно казню! (Бенц!)

И так далее.

В то же время, пока королева Амальгама пускает на ветер хрустальные шедевры ручной работы лучших мастеров Тяпляпляндии (а их, шедевров, было много, но дама она была упертая и все начатое доводила до конца), так вот, в это самое время бедная наша Бегония дошла до дома и ахнула, обнаружив, что дверь на чердак не заперта. Все было цело (чему пропадать-то – ржавому ведру да разбитому блюдечку?), да вот беда – воробышка улетел. Осталась Бегония одна-одинешенька, села на трехногий табурет и горько заплакала.

Так. Главное нам не расслабляться. Эти женские слезы на кого хочешь подействуют. Даже на Сказочника. Так. О чем это мы? Да!

Как летит время в последнюю ночь! Не успеешь вкратце изложить основные события в сказке, как лучи солнца уже золотят решетку маленького окошка под сводами темницы Антуана Нонсенса. Он поднял голову.

– Здравствуй, солнышко! – сказал он и улыбнулся, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

И вдруг какой-то пушистый комочек забился в проеме окошка и через мгновение уже с чириканьем прыгал на плече Антуана Нонсенса.

– Пить! Пить! – закричал он, махая крылом.

– Ах, кроха! – обрадовался Антуан Нонсенс, – как ты сюда попал? На, пей, – здесь как раз хватит тебе напиться. Жив, значит?

– Жив! Жив! – чирикнул воробей и тюкнул клювом глиняную плошку.

Потом он заскакал по темнице и перекувырнулся через голову. По темнице поплыли разноцветные круги, раздался звон, как будто соединились хрустальные бокалы, и...

...Антуан Нонсенс протер глаза. Нет, это ему не снится!

Перед ним стоял крохотный человечек с крохотной шпагой на боку и искринкой-перышком на шляпе. Шпага, перо и борода у него были серебряные.

– Ну, что смотришь? Что смотришь? – закричал сердито человечек. – Здраваться надо! Здраваться!

– Доброе утро, – смущенно пробормотал Антуан Нонсенс.

Человечек церемонно взмахнул снятой шляпой, низко склоняя голову.

– Здравствуй, Антуан, добрая душа! – сказал он. – Ты спас подбитого мальчишками воробья, совсем не догадываясь, что это был я – Главный гном (можно попросту – Г. г.), а зовут меня Эдельвейс.

– Да, я понимаю, – сказал опешивший Антуан Нонсенс, – как сокращения, так жди подвоха. Если А. а. – значит «Архи-Арбитр», Б. б. – не иначе как «Большой босс», В. в. – «Великий властелин», а уж про Г. г. я вообще молчу.

– Не «молчу», а Главный гном! – Эдельвейс нахмурил кустистые брови.

– Я-то думал, что гномы только в сказках бывают.

– А ты что – не в сказке? Тут кругом сказки! – закричал Эдельвейс и даже рассердился. – Любая сказка – жизнь, а любая жизнь – сказка, такие вещи любой ребенок знает!

– Это верно, – засмеялся Антуан Нонсенс и постучал кулаком по каменной стене темницы. – Сказочная жизнь, что ни говори.

– Ох, да что это мы с тобой время зря теряем! – заторопился Эдельвейс. – Я летел-летел к тебе, искал-искал эту темницу, от кошки удрал, от галки спасся, еле живой добрался, а мы тут сидим и из пустого в порожнее переливаем: сказки, не сказки... Ну, во-первых, жива твоя Бегония, не волнуйся, только горюет сильно, ну, ничего, ничего. Теперь давай решать, что с этими делать будем?

– С какими это этими? – не понял Антуан Нонсенс.

– Ну, с королевой этой, с рифмоплетами всеми – ох, бездари! – потом с этим, как его... Принципом? Что хочешь – в порошок стереть? В Наполеоны всех обратить? Я все могу.

– Нет, – сказал тихо Антуан Нонсенс.

– А, понимаю-понимаю! – заторопился Эдельвейс. – Сам хочешь с ними разделаться. Ну, тогда так: я сейчас сношу к чертям свинячьим эту темницу, а тебя делаю богатырем – или нет, нет, не так: ты будешь у меня богатырем и сам сносишь эту темницу к чертям свинячьим, а потом...

– Нет, – снова сказал Антуан Нонсенс и покачал для верности головой.

– Как нет? Как это нет? – испугался Эдельвейс. – Я летел-летел к тебе, а ты не хочешь воспользоваться моим могуществом?

– Спасибо тебе, – поклонился Антуан Нонсенс, – но не надо мне твоего могущества. У меня есть самое сильное оружие – правда.

– Но почему?

– Потому что правда всегда побеждает.

Эдельвейс в нетерпении затопал ногами.

– Слушай, мой мальчик, – сказал он, – мы же с тобой не в диспут играем на тему «Историческая правда, или Правдивая история». Я о другом. В сказке ты или не в сказке, но неужели ты не понимаешь, что через несколько минут тебе не понарошку, а на самом деле отрубят голову! Чего же ты медлишь? Решай!

Антуан Нонсенс склонился к Эдельвейсу, посадил к себе на ладонь, выпрямился вместе с ним, печальными и серьезными глазами посмотрел на него и сказал:

– Я хочу, чтобы все, что случится сегодня, случилось на самом деле. И ничего более того. Хорошо?

Эдельвейс долго не сводил с него своих глаз, потом вздохнул, пожал плечами и снял шляпу.

– Ладно, – сказал он.

Потом вырвал волосок из своей серебряной бороды, дотронулся им до большого пальца Антуана Нонсенса и торжественно возгласил:

– ДА СЛУЧИТСЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ВСЕ, ЧТО СЛУЧИТСЯ СЕГОДНЯ!

Послышались шаги стражи, и заскрежетали замки на двери темницы.

– Прощай, Антуан! – воскликнул Эдельвейс, надевая шляпу. – Я сделал все, что мог, но оказался бессилён помочь тебе. Ведь все, что случится – случится, хотим мы этого или нет. Даже в своих мечтах ты не отступаешь от правды!

– Правда – мать мечты, а ложь – ее мачеха, – улыбнулся Антуан Нонсенс.

– Прощай! – крикнул Эдельвейс, вырывая серебряный волосок из своей бороды.

– Прощай, – только и успел сказать Антуан Нонсенс.

Раздался серебряный звон, и разноцветные лучи поплыли по комнате. И, когда железная дверь со скрипом отворилась, из-под ног начальника стражи Принципона вылетел маленький серый воробей.

– Тьфу, пропасть! И тут летают, – сказал Принципон и, ударив саблей по площадке, разбил ее. – Так ты не придумал ничего, кроме правды?

– Нет, – ответил Антуан Нонсенс и улыбнулся, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Тогда тебе отрубят голову, – сказал Принципон и почесал свой багровый нос, – после того, как ты предстанешь перед Ихними королевскими величествами.

И стража вывела Антуана Нонсенса из темницы, усадила в черную, закрытую наглухо карету и доставила в королевский замок.

4

Гости давно уже были в сборе, в нетерпении ожидая, как сам король Апогей Первый приговорит Антуана Нонсенса к смертной казни. Радостно потирал руки Дрозофилл, ехидно улыбаясь по очереди Жеглине и Неглиже, прищелкивал пальцами от удовольствия Монпегас, цокал языком и вращал глазами, притворно сокрушаясь, иностранец Декольтини. Скрипел пером в своих мемуарах Главный Критик Клязуиус, а магистр Спектрограф задумчиво тербил свою бороду.

Стража вывела Антуана Нонсенса на середину зала и поставила перед тронем, где восседала венценосная чета – король Апогей Первый и королева Амальгама.

– Господи, – пробормотал король Апогей Первый, – обветшала-то как гордость наша... Исхудала...

– Ну, – сказала с расстановкой королева Амальгама, – придумал ты в мою честь что-нибудь, кроме правды?

– Нет, – сказал Антуан Нонсенс и улыбнулся, хотя глаза у него были печальные и серьезные.

– Казнить его! Отрубить ему голову! Нечего с ним чикаться, – чик – и все! Возиться с ним, уговаривать, – не маленький! – закричали все хором.

– Голубчик, – сказал Антуану Нонсенсу король Апогей Первый, незаметно подмигивая, – ну придумай ты для нее что-нибудь, а? И все будет хорошо. Твори потом себе на здоровье, а нам на гордость... А? Ну, хоть какой-нибудь паршивый комплиментик!

– На свете нет ничего прекраснее правды! – воскликнул Антуан Нонсенс и гордо вскинул голову.

Ибо он был Настоящим Поэтом.

Король Апогей Первый вздохнул. Этот человек положительно сам кладет голову на плаху!

– Я не волшебник, я не волшебник, – пробормотал он и хотел уже дать знак палачу в капюшоне приступить к исполнению своих обязанностей, но тут Антуан Нонсенс поклонился и сказал:

– Ваше величество, могу ли я узнать, кто стал победителем конкурса?

Король Апогей Первый пожал плечами, а королева Амальгама замахала веером.

– Э-э-э... Ваше величество, победителем объявлен наш гость, поэт-модернист Декольтини, – подсказал Главный критик Клязуиус, а королева Амальгама еще чаще замахала веером.

Поэт-модернист Декольтини привстал с врученного ему именного унитаза и поклонился присутствующим под бурные и продолжительные аплодисменты.

– Ваше величество, – сказал снова Антуан Нонсенс, – не соблаговолите ли вы услышать лично выступления всех этих достославных мастеров?

– Нет, нет, казнить, казнить! – крикнула королева Амальгама, покраснев от досады.

– Ну конечно, казнить! Ну, сколько можно тянуть? – закричали гости.

– Для того, чтобы восторжествовала истина, ха-ха! – расхохотался Главный критик Кляузиус.

– Ну, Гамочка, давай послушаем, – сказал король Апогей Первый, – мне это весьма любопытно.

Гости выжидательно замолчали.

– Нет! – заупрямилась королева Амальгама. – Вот казним, тогда послушаем.

– Ну зачем нам портить себе настроение и пищеварение до кучи перед чтением стихов? – поморщился король Апогей первый. – Тем более, так сказать, последнее желание приговоренного... А?

Гости осторожно захлопали.

– Э-э-э... Пусть, Ваше величество, это будут показательные выступления, – подсказал Главный распорядитель Террариум.

Королева Амальгама подумала, надув губки, и согласилась.

Гости закричали «Виват!»

Главный Распорядитель Террариум стукнул в пол палкой с набалдашником, выкрашенной под бронзу, Главный музыкант де Триоль взмахнул оркестрантам дирижерской палочкой, раздались чарующие звуки любимого произ...

– Стоп, стоп! – замахал руками король Апогей Первый и даже привстал с трона. – Опять этот мужицкий вальс? Фи! Отстали от моды, стыд и срам! Сыграйте что-нибудь поновее – хоть что-нибудь аллейное, что ли...

Главный музыкант де Триоль перелистал все свои партитуры, потом отложил их в сторону, долго внушая, напевая и насвистывая что-то своим подчиненным. Оркестр с трудом преодолел первые такты «Миллиона алых роз» и сконфуженно замолчал. Де Триоль, меняя на лице все цвета радуги, упорхнул разыскивать партитуру.

– Ну-с, начинайте же! – нетерпеливо сказал король Апогей Первый и пробормотал под нос: – О боже, какая провинция...

На середину зала вышел поэт Дрозофилл. Он упал на одно колено, откинул назад прядь волос со лба и пропел:

*Посмотришь вправо,
Найдешь оконце,
Посмотришь влево —
Ах, я неправый,
О, королева, —
Вы вместо солнца!*

И не успели присутствующие заплодировать, как случилось нечто невероятное.

Наступила полнейшая темнота; раздался звон разбитого стекла, чей-то визг, напоминающий восходящую гамму, и гости в панике заметались по залу.

– Что? Где? Что случилось? Караул! – кричали они, толкались, сбивали друг друга с ног и ничего при этом не понимали.

Не растерялся один начальник стражи Принципон. Он стукнул саблей по паркету, попав кому-то в темноте по ноге, почесал свой невидимый нос и гаркнул на весь зал:

– Всем оставаться на своих местах!

И в мгновение ока все кругом осветилось, солнце засияло в разбитом окне, а гости оказались по-прежнему сидящими в своих креслах, как будто ничего не произошло. Только поэт Дрозофилл стонал, схватившись за раненую ногу, а королева Амальгама... Боже, что было с ней! Вся в порезах, в изорванном платье; она, в конце концов, вся дрожала!

– Ах, мне немного жарко, – сказала она, – ничего страшного, продолжайте, пожалуйста. И замахала веером.

Следующим был вызван из зала иностранный поэт-модернист, теперь уже лауреат и проч., Декольтини. Он был немного смущен, теребя хризантему в петлице и поглядывая в сторону короля Апогея Первого.

– Сальто-мортале! – пробормотал он про себя и непринужденно перекувырнулся через голову. – О, форте пиано!

И очень похоже изобразил фа-диез первой октавы.

Декольтини оживился, лишь встав перед королевой Амальгамой, а она опять прикрылась веером и незаметно покраснела.

Декольтини затрепетал, завращал глазами и страстно произнес:

Ах, умираю я есть немножко...

Ах, страх есть чувств мне гранд знакомый...

Я белла клопик-насекомый

Под этот королевский ножка!

Он встал на четвереньки и полез под кружевные, теперь уже изорванные и помятые юбки королевы Амальгамы. И вдруг, когда Главный Распорядитель Террариум с помощниками приготовился оттащить его от трона, иностранный поэт-модернист, теперь уже лауреат Декольтини... исчез!

На паркете осталась только оципанная хризантема.

Гости осмотрели весь зал, перевернули все кресла – Декольтини не было.

Магистр Спектрограф задумчиво вырвал клочок из своей бороды.

– Поразительно! – пробормотал он. – Хатха-йога или элементарный телекинез?

Убедившись, что Декольтини в зале не обнаружен, начальник стражи Принципон почесал свой малиновый нос и отправился искать модерниста-лауреата в единственное место, где можно было надеяться его найти – в кабачок «Три милашки» недалеко от Королевского Замка.

Король Апогей Первый дал знак продолжать.

Вперед, расталкивая собравшихся, выступил поэт Монпегас. Он был очень рад провалу своих соперников и поэтому начал с воодушевлением:

О, как воздушна, как легка!

– Ай! – вскрикнула королева Амальгама, подпрыгнув.

Она ударила себя по ноге и вцепилась в изручие трона.

– Продолжайте! – твердо сказал король Апогей Первый.

О, как пушинка выступает!

– Уй! – опять вскрикнула королева Амальгама и зачесалась.

– Продолжайте, – вздохнул король Апогей Первый.

Потому что проигрывать надо достойно.

...Так бабочка порой...

– Ой!!! – закричала что есть сил королева Амальгама. – Лови же его, лови! Вот он!
И она быстро-быстро затрясла своими кружевными, а теперь уже немного изорванными юбками.

Дамы фрейлины загородили королевскую чету своими кринолинами.

– Можете сесть, – сказал им король Апогей Первый ледяным тоном, брезгливо вытирая пальцы.

Он оглядел зал.

– Порой... – пискнул поэт Монпегас, обливаясь потом.

– Продолжайте! – строго сказал ему король Апогей Первый и потрогал висок.

В это время вернулся начальник стражи Принципон и доложил, что иностранный поэт-модернист, теперь уже Лауреат Декольтини нигде не обнаружен. Даже в кабачке «Три милашки».

– Черт с ним! – скривившись, как от зубной боли, ответил король Апогей Первый и прорычал поэту Монпегасу: – Продолжайте!

Поэт Монпегас помялся, но потом собрался с духом и выпалил:

*...Так бабочка порой порхает
Под этим сводом потолка!!*

– Эй, эй, держи! – завопил вдруг начальник стражи Принципон и замахал саблей.

– Держи-и-и! – завизжал Главный Распорядитель Террариум и выронил палку с набалдашником, выкрашенную под бронзу.

Гости разинули рты. Их глазам предстало поразительное зрелище: под самым потолком между хрустальными люстрами летала, дрыгая руками и ногами, сама королева Амальгама!

Она громко визжала, но не выпускала из рук веер. Казалось, он ей нужен для управления полетом.

Гости бегали по залу и, подпрыгивая, старались дотянуться до королевы Амальгамы, но безуспешно.

– Провалиться мне на этом месте, если я видел что-нибудь подобное! – воскликнул начальник стражи Принципон и почесал свой лиловый нос.

А в суматохе никто не заметил, как задрожал и закачался весь Королевский замок.

– Бедняга Принципон, – сказал себе тихонько Антуан Нонсенс, – он и не подозревает, что спас себе жизнь тем, что ни разу не видел в глаза правды!

А магистр Спектрограф, вырвав из бороды последний клоч, забегал по залу, не замечая мечущихся гостей и рассуждая вслух:

– Ничего не понимаю... Ни-че-го-не-по-ни-ма-ю! Явный обман зрения. Оптический эффект или массовый гипноз? Но позвольте, – королева должна находиться рядом с королем и нигде более!

И тут же королева Амальгама плавно опустилась на свое место, успев оправить на себе юбки и прическу и сложить веер. Вконец растерявшиеся гости подавленно расселись по креслам.

Воцарилась тишина.

– Это черт знает что такое! – сказал раздраженно король Апогей Первый. – Это какой-то сумасшедший дом.

Гости вразнойой захихикали.

– А ты, как тебя там, – сказал король Апогей Первый поэту Монпегасу, – убирайся отсюда, и чтобы я тебя больше здесь не видел.

Поэт Монпегас исчез по-английски, но гости на такую мелочь не успели обратить никакого внимания, – события разворачивались слишком быстро даже для любителей острых ощущений.

– Милый! – сказала королева Амальгама королю Апогею Первому. – Давай быстренько закончим. Остался последний номер... А то неудобно как-то.

И она вдруг нежно улыбнулась ему, и странное дело, – улыбка эта сделала ее... гм, ну, не красавицей, но очень даже симпатичной.

– Ах, что вы, что вы, – пробормотал король Апогей Первый, потом махнул рукой и развернул перед собой свежий выпуск «Вечернего Дилидона».

Тем временем знаменитейший дуэт поэтов Жеглине и Неглиже немного оправился от перенесенного потрясения и разошелся по противоположным углам зала. Вы, кстати, помните, в каком порядке они речетативили? Вот и ладно.

— *Что вечно молодо?*

— *Шевелите мозгами!*

— *Что не состарится?*

— *Думайте сами!*

— *Сердце красавицы,*

— *Свет-Амальгамы —*

— *Чистое золото! —*

хором крикнули они и раскланялись.

– Ах! – воскликнула королева Амальгама и схватилась за сердце.

Глаза ее закрылись.

– Ваше величество! Ваше величество, что с вами? – заволновались-зашушукались фрейлины.

Королева Амальгама молчала, продолжая держаться за сердце.

– Сматываемся отсюда, пока не поздно! – прошептал, бледнея, Жеглине Неглиже.

– Ку-ку-куда? – спросил дрожащий Неглиже Жеглине.

– Ты что, кретин, не понял? Куда угодно, хоть на луну! – прошипел Же... Не... Короче, пока пресловутый один шипел вышеозначенному второму, в зале остался один шип, а их обоих в зале не стало. Но и это не отвлекло внимания гостей, которые, вытянув шеи и затаив дыхание, наблюдали за развитием событий.

– Ваше величество! – испугался Главный распорядитель Террариум.

Королева Амальгама молчала.

Король Апогей Первый оторвался от газеты.

– Что с тобой, милочка? – спросил он.

Королева Амальгама молчала, как статуя.

– Гамочка, ты меня слышишь? – король Апогей Первый потряс ее за плечо и вскочил на ноги. – Эй, люди! Доктора, кого-нибудь, живо!

Все забегали, зашумели. Королеве Амальгаме расшнуровали корсет, сделали искусственное дыхание, дали понюхать нашатырного спирта, натерли виски уксусом – ничего не помогало. Она продолжала сидеть неподвижно, с закрытыми глазами, держась за сердце.

Магистр Спектрограф пощупал ей пульс, потрогал лоб, приставил ухо к высочайшей спине, долго молчал. Потом осторожно постучал молоточком.

– Трансмутация или алхимия? – пробормотал он.

– Говори громче! – не выдержал король Апогей Первый.

– Ваше величество, – магистр Спектрограф вытер пот со лба, – Ваше величество, это нечто феноменальное, и я не... не знаю, как вам сказать...

– Что? Что? – король Апогей Первый в нетерпении топнул ногой. – Говори же!

– Ваше величество, у ее величества нет сердца.

– Нет се... Как... Как нет сердца, что ты мелешь, негодный шарлатан?

– Ваше величество, уверяю вас, это так.

– Что же... у нее... вместо сердца? – дрогнувшим голосом спросил король Апогей Первый.

– Трудно сказать определенно без качественного анализа, но это – металл и весьма тяжелый, – магистр Спектрограф еще раз постучал молоточком и задумчиво пожевал остатки своей бороды. – По форме прохождения звуковых волн я, ваше величество, полагаю, что это – золото.

– Боже мой! – король Апогей Первый схватился за голову. – Боже мой!.. Нет сердца...

Он медленно шел по залу, пошатываясь и натываясь на кресла. Взгляд его упал на Антуана Нонсенса. Антуан Нонсенс стоял, бережно поддерживая цепи, чтобы не загреметь железом в такой неподходящий момент. Перепуганная стража была менее чувствительна к моменту и бросилась снимать с него оковы.

– Послушай, Нонсенс, – с усилием сказал король Апогей Первый, – я ничего не понимаю, у меня теряются мысли, – он потер лоб, – но я... я чувствую, что здесь что-то не так! Я, как в сказке, во власти каких-то колдовских сил. О, эти проклятые рифмоплеты... – король Апогей Первый опять потер лоб и сжал кулаки. – Но ты, Нонсенс! Ведь ты – Настоящий Поэт! Неужели и ты ничего не понимаешь?

– Понимаю, ваше величество, – тихо ответил Антуан Нонсенс, склоняясь в поклоне.

Король Апогей Первый широко раскрыл глаза. Гости стояли не шелохнувшись. В тишине было слышно, как начальник стражи Принципон чешет свой кирпичный нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.